

РОТА НА ПОСТУ

Перевод с английского – Евгения Лавут
по изданию: Elizabeth Rubin, Battle Company Is Out There
(NY Times, February 24, 2008).

For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 041)

РОТА НА ПОСТУ

Мы высадились из двух Черных Ястребов на припорошенный кустарником горный склон. Был холодный, ветреный октябрьский вечер. Полумесяц освещал высокие сосны и горные вершины. Солдаты и пейзаж подрагивали в мутной бело-зеленой ряби биноклей ночного видения. По ту сторону долины в нескольких домах, прилепившихся к полям на горных террасах, горел свет – это была печально известная Яка Шина, деревня в долине реки Коренгал провинции Кунар на северо-востоке Афганистана. Среди солдат за этой местностью прочно закрепилась дурная слава, хотя за излучиной реки, на расстоянии всего нескольких деревень к югу начинались американские блокпосты. Деревня считалась надежной гаванью боевиков, и после бойни, случившейся там около года назад, американские войска старались избегать ее. С приближением Хэллоуина солдаты 26-летнего капитана Дэна Кирни, с которыми была и я, почувствовали, что и им грозит проклятие Яка Шины.

Долина Коренгал – это одинокий форпост регресса: большинство жителей здесь практикуют ваххабизм, более жесткий вариант Ислама, чем тот, что распространен среди большинства афганцев; половина боевиков, противостоящих американцам в этом регионе, родом отсюда. Остальные – это арабы, пакистанцы, чеченцы, узбеки; рядом пограничные районы Пакистана, где, как говорят, часто скрываются Осам бин Ладен, Айман аль-Завахири и другие лидеры Аль-Каиды. Бойцы Коренгала свирепы, хорошо знают местность и отслеживают каждое движение американцев. В переговорах по рации ветераны джихада называют американцев «обезьянами», «неверными», «подонками» и «детками». Это психологическая борьба: они знают, что американцы прослушивают их переговоры.

Для «деток» же боевики – привидения, духи; тактика солдат часто приводит к тому, что они становятся приманкой для духов. Специализация боевиков – засады, огонь на изнурение, внезапные скоротечные атаки. Преимущество НАТО в такой войне – авиация. Солдаты без колебаний вызывают на подмогу Большого Папочку, у которого нередко оказывается женский голос. Но боевая авиация, спасающая жизнь солдатам, не умеет отличать боевиков от мирных жителей.

Я отправилась в Афганистан прошлой осенью, чтобы ответить на вопрос: почему мы со всеми нашими технологиями убиваем так много мирных граждан в авианалетах? Цифры потерь среди гражданского населения по вине НАТО обескураживающе высоки: по данным Хьюман Райтс Уотч на сентябрь прошлого года, 350 человек погибли по вине коалиции, 438 – по вине боевиков. Количество металла, обрушиваемого на Афганистан, не укладывается в голове: миллион фунтов (около 500 тонн) в период с января по сентябрь 2007 года, против полмиллиона за весь 2006-й.

Через несколько дней у меня появились новые вопросы: возможно, в антитеррористической кампании есть более глубокая проблема? В прошлом году были убиты более 100 американских солдат, это наивысший показатель с начала ввода войск в Афганистан. Почему число погибших американцев растет? Чтобы найти ответ, я провела большую часть осени в долине Коренгал и других населенных пунктах провинции Кунар вместе с солдатами, которые почти каждый день совершали выбор между жизнью и смертью – и их решения приводили к гибели солдат и мирных жителей.

Подчинение долины

За последние два года американцы неуклонно наращивали свое присутствие в провинции Кунар, разворачивая небольшие, на один взвод, блокпосты, ставшие фирменным знаком новой антитеррористической доктрины в Афганистане и Ираке. Коренгальский блокпост, сокращенно – КОП, построили в апреле 2006-го на месте бывшей лесопилки и мотеля. Солдаты Боевой роты 173-й Авиационной бригады живут в пыльных палатках и деревянных временках. Теперь у них есть горячее питание и крытая столовая, небольшая палатка, где также есть Интернет и несколько телефонов для звонков домой. КОП защищен только колючей проволокой и часовыми. Когда я прилетала на блокпост,

наш вертолет почти каждый раз встречал снайперский огонь «душки» – зенитки российского производства.

Дэн Кирни, в сущности, был хозяином Коренгала. Выросший в Джорджии, сам себя называющий «армейским отродьем», в детстве он боготворил своего отца, вояку Фрэнка Кирни и мечтал погрузиться в мир секретных операций и открытых боевых действий. (Его отец – генерал-лейтенант Командования специальных операций.) Кирни часто называет себя упертым и выступает перед солдатами в роли грубого, крикливого солдафона. Он рассказал мне, что воевал в Ираке, и от количества увиденных там смертей потерял всякую способность чувствовать, вернувшись только год назад после рождения сына. Худшим для Кирни стал день, когда при взрыве самодельного взрывного устройства его близкий друг Роб Шоу был тяжело ранен, а его первый сержант и еще несколько друзей убиты – и тут же стало известно, что полковник просит Кирни заменить Шоу и принять командование ротой.

Но как бы ни было тяжело в Ираке, ничто, по словам Кирни, не может сравниться с Коренгалом. В отличие от Ирака, где капитаны и лейтенанты могли расслабиться на относительно безопасных оперативных базах и спокойно травить байки, обменяться мыслью-другой, здесь не с кем поговорить, а огонь неприятеля может настичь и за колючей проволокой. Прошлым летом в результате нападения боевиков на базу в соседней долине были ранены 16 человек.

И в отличие от всех остальных мест, где я бывала в Афганистане, – даже долины реки Пеш, всего в часе езды отсюда – в Коренгале не было ни афганской полиции, ни местных лидеров, с которыми американцы могли бы сотрудничать. Казалось, афганское правительство и афганцы, живущие рядом, махнули на коренгальцев рукой. В одном из наших разговоров на блокпосту Кирни сравнил Коренгал со значным районом Лос-Анджелеса. «Мы – Полиция Лос-Анджелеса – вышибаем двери, задерживаем людей, требуем информацию про банды, а они тянут в ответ: «Нет, мы ничего не знаем, потому что парень, который вам нужен, гуляет с моей сестрой, а другой парень – это двоюродный брат моего дяди». Мы столько лет их достаем, что они решили: «Буду-ка я лучше с АКБ» – антикоалиционными бойцами – «они наши братья, и мы их не сдадим».

В чем именно состояла задача Кирни? Подчинить долину. С этой задачей пытались справиться морпехи, потом – солдаты 10-й Горной дивизии – но дело это оказалось

столь неблагодарным, что довело солдат 10-й Горной до своего рода умопомешательства. Люди Кирни говорили мне, что поведение их предшественников, которых они застали здесь в мае прошлого года, было пугающим: к концу срока службы многие дошли до состояния, когда могли сидеть в одиночестве на огневой базе и разговаривать сами с собой. Рядовые не подчинялись сержантам, а командиры отделений отказывались выходить за колючую проволоку, чтобы показать новичкам местность. Никто не хотел быть застреленным в последний день перед увольнением.

Кирни сначала держал своих солдат на коротком поводке. Полковник Джон Николсон, бригадный командир 10-й Горной Дивизии, обещал афганцам, что не будет бомбить их дома. 5 июня Кирни и Боевая группа 173-й воздушно-десантной бригады официально заступили на место Боевой группы 3-й бригады с намерением сдержать обещание. «Мои ребята говорили мне, что не знают, из каких домов в них палат, и я не давал стрелять по деревне, – вспоминал Кирни. – Они так меня ненавидели». Кирни подозревал, что повстанцы боевики проверяют его, нового капитана, нарочно стреляя из домов. 10-го июля коренгальцы устроили засаду его солдатам в одном из своих любимых домов: это был трехэтажный особняк с балконами, выходящими на долину, принадлежавший Хаджи Матину, богатому лесозаготовщику, ставшему лидером боевиков. Раньше здесь часто происходили бои.

Когда двое из помощников комвзвода, Кевин Райс и Таннер Стичтер, были застрелены, а бой еще продолжался, настало время принимать решение. Кирни видел, что в доме женщина и ребенок. «Мы видели, как люди внутри перетаскивают оружие, – рассказывал мне Кирни. – Я все попробовал. Мы обстреливали дом минометами сзади, чтобы дети выбежали спереди. Обстреливали слева и справа. Апач* был подбит, и улетел. Я запрашивал бомбу, но никто не хотел подписывать «сопутствующий ущерб» при бомбардировке дома». Наконец, рассказал Кирни, «мы выпустили ПТУРЫ: *джавелин* и *тоу***». «Два месяца потом в нас оттуда не стреляли, – сказал Кирни. – В конце концов я убил эту женщину, и ребенка», добавил он.

Кирни часто казался хладнокровным, например, когда в шортах вваливался в палатку, декламируя импровизированный рэп на тему того, как мочить плохих парней. Но тот

* боевой вертолет (здесь и далее – *прим. пер.*)

** бронебойные ракеты

же Кирни потом становился психоаналитиком, спасающим брак своего солдата, или шутил с коренгальским старейшиной, что надо бы выдать его дочь замуж за маленького сына Кирни, чтобы достичь мира. Эти спектакли закаляли его, помогали брать ответственность за такое количество смертей. «В этой долине меня хоть как-то слушают только потому, что я бросаю на них бомбы», – говорил он. Тем не менее, у него не было намерений стрелять по домам всякий раз, когда начиналась перестрелка: «Я бы создал себе еще больше врагов».

Кровная месть

В конце 2001-го самолет В-52 для многих афганцев был символом освобождения от власти талибов. Изображения самолетов ткали на коврах. О мощи В-52 слагали легенды: самолеты оставались невредимыми, даже когда талибы открывали по ним зенитный огонь. Из Кабула по стране разошлась история о том, как с В-52 были сброшены тысячи листовок со словами: «Подбей, если сможешь!» – и после этого талибы перестали тратить на них пули.

Но самолеты, громившие талибов, стирали с лица земли и целые семьи невинных людей. В июле 2002-го в горах Урузгана спецназ, в полной уверенности, что бомбит крайне важную цель противника, обрушил ракетный и бомбовый огонь на участников церемонии помолвки. Около 40 афганцев были убиты и почти 100 – ранены.

Такие ошибки происходят постоянно, хотя бы и по разным причинам. Боевики все время используют мирных жителей как щит, детей как наводчиков, женщин – как снабженцев. Мирные жители, гибнущие от рук НАТО – отличная пропаганда для талибов. Из-за масштабов и неразборчивости этих убийств афганцам, неискушенным в военных технологиях, они кажутся намеренными. Многие убеждены, что американцы нарочно бомбят их и даже нарочно способствуют возвращению талибов. На самом же деле, точность попадания бомбы зависит от точности наземной разведки – а после 11 сентября США и НАТО используют воздушные силы как замену наземным войскам.

Прошедшие семь лет авианалетов и мирных жертв, уничтожительных обысков и необоснованных задержаний подтолкнули многие семьи и племена к мести. В результате в очагах сопротивления американцы видят врага в любом афганце.

Если снять наносные слои, в основе всех убийств и смертей всегда лежит местная политическая распря. Непонимание и обида удобряют почву для исламистов. С кем ты: с братьями по вере или с неверными грабителями?

В случае с Коренгалом все началось около века назад, когда племена, ныне известные как коренгальцы, были изгнаны из провинции Нуристан (следующей к северу после Кунара) и поселились в Коренгале, богатом древесиной и плодородными землями. Со временем они вступили в союз с одной из ветвей большого племени сафи, которое когда-то было у руля политической жизни Кунара. Но по пути дальше на юг, в долине реки Пеш, остальные сафи встретили коренгальцев в штывы.

По версии афганцев, когда американцы только появились в 2001 году, они были благосклонны к лесоторговцам и лидерам вооруженных банд долины Пеш. Те почти сразу надумали американцев сбросить бомбы дом их главного соперника – Хаджи Матина. По словам местных жителей, в результате авианалетов были убиты несколько членов его семьи, а остальных американцы арестовали и отправили в тюрьму на авиабазе Баграм. Потом боевики долины Пеш вместе с американцами разграбили дом. Это стало поворотной точкой. Хаджи Матин, уже тогда глубоко религиозный, ударился в идеологию и примкнул к Абу Ихласу, местному арабу, связанному с зарубежными активистами джихада.

К 2007 году американцы поняли, что произошло. В прошлом году губернатор Нуристана даже усадил их за стол переговоров с коренгальскими старейшинами, пытаясь сделать их посредниками между двумя сторонами конфликта. Из этого ничего не вышло. Кирни попытался копнуть глубже, он посылал электронные письма антропологам и афганским экспертам, в поисках руководства к действию. Он часами слушал Хаджи Зальвар Хана, представителя долины в отношениях с американцами и правительством, который рассказывал об истории и страданиях местных жителей. Хаджи Зальвар, ветеран джихада еще со времен советского вторжения, почти в одиночку взвалил на себя все здешние проблемы, что подтверждала и его неизменно мрачная мина. Кирни познакомился с огромным количеством местных жителей, чтобы выучить имена всех старейшин и их семей. Но ему в наследство досталась не им начатая кровная месть между коренгальцами и американцами, и ее логика засасывала Кирни.

«Серьезный пост-травматический стресс»

Прошлой осенью, через пять месяцев изнурительного пешего патрулирования гор, после бесполезных встреч со старейшинами, которые утром улыбались американцам, а вечером привечали у себя боевиков, после того, несколько друзей были убиты огнем неприятеля, люди капитана Кирни начинали понимать угрюмую, нервную озлобленность, которой их встретили их предшественники из 10-й Горной дивизии. Многие стали задаваться вопросом, что они вообще тут делают.

Кирни не давал волю таким мыслям. Он говорил по сетителям, будь они генералами или командами по реконструкции, что имеет ясный, хотя и скромный, план: «Это как в Тихоокеанских операциях времен Второй мировой – тактика перепрыгивания: обрабатываем деревни через одну».* За пять месяцев он отвоевал около 400 ярдов земли. Когда на блокпост с коротким визитом как-то залетела группа генералов и полковников и Кирни знакомил их с картой местности, один из офицеров сказал другому: «Я не знаю, зачем мы вообще здесь». А другой офицер, напротив, стал расхваливать логику операции. Кирни говорил мне, что тогда подумал: Разберитесь там, прежде чем сюда соваться. Бьют-то по моим ребятам, которые здесь гибнут... Дело в том, что кроме роли хозяина долины, у него была и другая – мотивировать, дисциплинировать и выслушивать солдат. «Это как мыльной оперой руководить, – говорил Кирни. – Я чувствую себя доктором Филом, только с пушками».

Как-то в полнолуние мы с Кирни сидели возле землянки, укрепленной мешками с песком, когда наружу вышел молодой сержант с мешком мусора. Он окинул взглядом освещенные горы, пыль, камни, мусорный контейнер. Визжали обезьяны. «Ненавижу эту страну!» – закричал он. Потом улыбнулся и вернулся в землянку. «Он на препарате», – тихо сказал Кирни.

Затем мимо прошел другой солдат и прокричал: «Эй, я с вами, сэр!» – и Кирни сказал: «Прозак. Серьезный посттравматический синдром после последнего рейда».

* Тактика, в свое время примененная американцами против японцев, последовательно укрепивших все острова между собою и Америкой. Решено было «перепрыгивать» - захватывать острова через один, оставляя другие в изоляции

Еще один солдат выскочил из штаба, что-то бормоча и ругаясь. «На препарате» – сказал Кирни. – В последнем рейде, если ему отказывались сообщить информацию, – сразу дом сжигал. Столько людей убил. Он под наблюдением».

Когда я вышла в столовую налить себе какао, мирная ночь сотряслась от минометных, ракетных и автоматных очередей, гремевших со всех сторон. Это была скоординированная атака на все огневые базы. Мне довольно скоро стало ясно, почему столько солдат принимают антидепрессанты. Срок службы составляет 15-месяцев, на которые приходится всего 18 выходных. Многие из солдат – «беспересадочные»: из-за того, что армия поредела, их контракты продлеваются. Отказаться от таких продлений нельзя. Они чувствуют, что Ирак их затмил. По словам сержанта Эрика Галлардо, «Нам не хватает ресурсов и продовольствия. Мы нуждаемся во всем и живем гораздо более бедно*. Но мы знаем, что война – здесь. Мы еще ее не закончили».

Для поддержания душевного здоровья у них была только палатка-медпункт, видеоигры и фильмы – «Гладиатор», «Конан-варвар», «Догма», Монти Пайтон. Совсем неподалеку, в долине реки Пеш, солдаты играли в крикет с афганскими детьми и устраивали матчи по боксу и футболу. Лейтенант Карим Эрнандес, родом из Нью-Йорка, командующий тамошней базой, регулярно обедал с афганскими полицейскими. Заглядывали с советами соседи. Здесь же, в Коренгале, солдаты были полностью изолированы от местной культуры. Однажды вечером за просмотром сериала канала Эйч Би О «Рим», на сцене, в которой римский легионер говорит рабыне, что хочет на ней жениться, один из солдат спросил, в каком веке происходит дело. «В первом, до или после нашей эры», – отвечал другой. Первый покачал головой: «А они тут до сих пор так живут, если отойти от колючей проволоки метров на 800».

В конце лета Кирни сказал своему отцу: «Мои парни тут свихнутся». Армия направила к ним психотерапевта, и Кирни узнал кое-что новое о себе как о командире. Он обнаружил, что одна половина его людей считает, что он играет в русскую рулетку с их жизнями, а другая – что он слишком строго следует правилам применения силы. «Моральный ориентир в армии – это взводный и командир части, – говорил мне Кирни. – Я объяснял каждому

* чем солдаты в Ираке.

взводному, что мораль должна быть крепка, что нужно быть образцом морали: один раз оступишься – и обратно уже людей не соберешь».

Операция Горная Лавина

19 октября Кирни и его люди были заброшены с воздуха в тыл боевиков с миссией, которую многие считали чистым безумием. Она называлась Горная Лавина и продолжалась около шести дней. Одной из ее главных целей была деревня Яка Шина.

Кирни как хороший солдат пытался распалить своих ребят, обещая, что они доберутся до боевиков, убивших их друзей, до тех, чьи злобные физиономии приклеены на генеалогическое древо «плохих парней» на блокпосту. Они разворошат гнездо партизан и перекроют их транзитные пути с Пакистаном. Они убедят крестьян перестать укрывать плохих парней, предложив им проект реконструкции дорог на 11 миллионов долларов, одобренный НАТО и Кабулом, который будет осуществлять Команда по реконструкции провинции Кунар. И еще они дорисуют так называемую «человеческую карты местности», часть новой антитеррористической доктрины – какие семьи пользуются авторитетом, кто на ком женится, кто с кем враждует, есть ли распри, которые можно использовать.

Для молодых солдат это было чересчур: выступать в роли убийц, культурных антропологов, борцов за умы и сердца – и снова становиться убийцами. Вот почему за несколько часов до начала миссии, когда некоторые солдаты начали замазывать лица боевой черно-зеленой краской и сержант заорал: «Сотрите это немедленно!» – они удивились: зачем? Ведь так они напугают местных.

Но когда Горная Лавина начала набирать обороты, это было уже не важно. Апачи выслеживали повстанцев по горным хребтам. Другие вертолеты сбрасывали новых солдат. Над головами выл беспилотник, посылая инфракрасные видеофрагменты на большой экран в Кэмп Блессинге, штабе батальона, расположенном в шести милях к северу от Коренгальского блокпоста.

Почти сразу, на высокогорном склоне, откуда открывался вид на Яка Шину, Кирни пришлось выступить в роли Бога. В окопе слева от него Джесси Ярнелл, молодой офицер разведки, при помощи афганского переводчика Джона

перехватывали радиопереговоры боевиков: «Мы видим их, будем ждать».

«Они прямо там», – сказал Кевин Карун, поднимая глаза от бинокля ночного видения. Карун, отец двоих детей из Коннектикута, был передовым авиационным наводчиком ВВС – тем, кто наводит боевых пилотов на цели. «Видите? Двое движутся к югу в 400 метрах от нас», – сказал Карун, указывая на склон. Неподалеку расположились еще несколько боевиков.

– Сэр, что хотите делать? – спросил Карун у Кирни.

– Хочу видеть их мертвыми, – сказал Кирни.

– Открыть огонь?

– Да. Убрать их».

– Есть убрать».

Карун передал по рации пилоту инструкции, «Приказ командира открыть огонь». И дело было сделано.

Внезапный вой пронзил ночное небо. Это был Слэшер, боевой самолет, стреляющий снарядами размером с бутылку кока-колы. Пылающие осколки рикошетили по всей деревне. Кирни был напряжен до предела. Солдаты, находившиеся на блокпосту, передавали по рации, что беспилотник обнаружил 10 человек у лесополосы. Ярнелл перехватывал переговоры повстанцев. «Они говорят, что готовятся нанести удар», – сказал кто-то. Пилот видел пять человек, один входил в дом, нет, кто-то был за деревьями, кто-то внутри одного, нет, нескольких домов. Он хотел подтверждения: все ли цели были враждебными? Согласован ли «сопутствующий ущерб»? Ругаясь, Кирни приказал открыть огонь по тем, кто снаружи, но не трогать дом. Пилоты передали в ответ, что люди только что забежали внутрь. Никаких сомнений, что там окажется семья. Карун напомнил Кирни, что у Слэшера осталось топлива только на десять минут.

«Что хотите делать, сэр?» – спросил его Карун.

Кирни передал солдатам, чтобы они связались с его начальником, подполковником Биллом Остлундом. Остлунд, социолог из Небраски, умевший из воинствующего бомбардировщика легко превращаться в политического переговорщика и обсуждать семейные ценности со старейшинами, сидел в набитой комнате тактических операций в Кэмп Блессинге, смотрел видеодонесения беспилотника и получал те же данные разведки. Он санкционировал «сопутствующий ущерб», и Кирни повернулся к Каруну. «Убрать базу. И всех, кто выйдет наружу».

Пылающие ракеты пролетели по небу. Гром орудий эхом прокатился по долине. И наступила пауза. Слэшер спросил Каруна, продолжаются ли переговоры боевиков. Кирни прокричал Ярнеллу в окоп: «Ловится что-нибудь?» – Ничего. Снова извержение ракет.

Ночь казалась непостижимой и бесконечной. Слэшер улетел, его место занял Ганметал – вертолет системы Апач. Радиосвязь все время ломалась. В какой-то момент экипаж Ганметала, не увидев враждебных намерений, отклонил приказ Кирни открыть огонь. Затем Ганметал вдруг ударил ракетами по фигуркам людей, бросившихся в укрытие. Вернулся Слэшер и еще «поработал». Перед рассветом прилетел легкий Боун («Кость») – так называют бомбардировщик Б-1, любимца солдат, – и сбросил на деревню две бомбы по 2000 фунтов каждая. Ближе к рассвету измученный Кирни, давая волю висельному юмору, адреналину и усталости, сказал: «Ну что ж, недельную норму убийств я выполнил. Можно домой».

По оценкам Кирни, американцы убили около 20 человек. «Врать не буду. Некоторые могут быть мирными жителями», – сказал он.

По логике войны лучшее средство от призрака врага в засаде – убить и знать, что убил. Солдаты в Коренгале как правило бывали лишены удовлетворения такого рода. Убитых боевиков хоронили быстро, оставались раненые мирные жители. То утро после длинной ночи сражения ничем не отличалось. Примерно через час после того, как все кончилось, лейтенант Мэтт Пайоса, добросовестный, 24-летний выпускник Вест Пойнта, и его патруль были уже в Яка Шине. Они сообщили по рации, что старейшины деревни просят разрешения похоронить мертвых. Подобрали раненых мирных жителей. Счет нехороший: 5 убитых, 11 раненых, все – женщины и дети.

Кирни передал в Кэмп Блессинг плохие новости и сокрушенно уронил гоолову на грудь. Убийство женщин и детей само по себе достаточная трагедия. Но жертвы среди мирного населения еще и политический вопрос. Не сумев объяснить свои действия жителям Яка Шины, он может проиграть их врагу. Тем временем, Ярнелл со своей командой перехватывал разговоры вроде: «Ведите себя очень тихо. Перенесите вещи сюда. Молитесь за нас». По крайней мере, некоторые из боевиков-участников ночного боя выжили и готовы сражаться снова. Самолеты выследили, как они прячутся в ущелье. Но после гражданских потерь прошлой ночи старшие

командиры отказывались давать Кирни разрешение на бомбовый или ракетный обстрел.

Короткий день таял. Солнце зашло за горные пики. Холодный ветер выстуживал кости. Солдаты пыгались избавиться от навязчивой мысли, что будут атакованы боевиками, растворившимися в деревнях. Их опасения подтвердились.

Завоевать сердца

Пытаясь привлечь местных на свою сторону, Кирни и еще несколько человек на следующий день прилетели в Яка Шину. За неимением другой посадочной полосы, Черные Ястребы приземлились на крышу дома недалеко от двора, обстрелянного Слэшером минувшей ночью. Пыль и сухая трава смерчем пронеслись по дому, ударяя в глаза местным жителям. Чтобы завоевать их сердца еще больше, солдаты, спускаясь с крыши, наступили на свежий урожай кукурузы, сушившейся на втором этаже.

Встреча проходила на заднем дворе, по которому бежали куры. На одной стороне были Кирни, Остлунд и Лари Ле Гри, морской инженер-ядерщик и глава Команды по реконструкции Кунара, со всем антуражем, включая переводчиков, все одетые в футуристические костюмы в стиле хай-тек. На другой стороне – коренгальские старейшины, словно вышедшие из фильма «Властелин колец», с крючковатыми палками, выкрашенными красным бородами и подсурьмленными глазами. Поскольку представителей власти здесь нет, старейшины – единственный канал коммуникации. Мужчины помоложе сидели на земле, завернутые в платки, с выражением нарочитого безразличия.

Кирни присел на корточки и сказал, что когда он только приехал сюда, она надеялся, что придет Яка Шину и поймет, в чем нуждаются местные жители. Вместо этого он обнаружил в деревне и вокруг нее около 50 боевиков. Он указал на вещдоки, собранные на местности афганскими и американскими солдатами: военные радио-батареи, бинокли, снаряды, старый пистолет, брошюры – на арабском, под названием «Как убивать», и на пуштунском, «Краткое изложение добродетелей Джихада». Набор был не очень обличительный, и все это понимали.

Накануне американский вертолет эвакуировал раненых жителей деревни. Была сброшена гуманитарная помощь, включая цемент для восстановления стен, рис и зимние оде-

яла. Это не компенсация, объяснил Кирни старейшинам. «Это то, что правительство делает для своего народа, когда есть безопасность». Он попросил их рассказать, где в горах боевики прячут свои припасы. «Тогда мне не нужно будет приходить сюда, стрелять в вас и отделять хороших от плохих», – сказал он.

Чтобы на что-то опираться во враждебном окружении, Кирни постоянно апеллировал к Хаджи Зальвар Хану, главному переговорщику среди старейшин долины. Он сделал состояние на торговле лесом и винил американцев за то, что они прикрыли ее. Он пытался увещевать и американцев, и боевиков. Но на публике он не собирался поддерживать Кирни. «Откуда я знаю, где ты нашел эти вещи? – спросил он, указывая на улики. – В горах? Или в доме? Откуда я знаю, кому они принадлежат?»

Кирни улыбнулся. Он начинал привыкать к стилю общения американцев и местных: искажению сказанного и обману. Встреча была в равной мере и необходимой частью спектакля – и содержательными переговорами. А я задумалась о том, как Кирни собирается оставаться в здравом уме еще 10 месяцев.

Где-то неделей раньше при мне на блокпост пришли жители деревни Алиабад, расположенной в миле к югу отсюда родины Хаджи Зальвар Хана – жаловаться Кирни, что один из домов пострадал от обстрела. Позже они прислали подростка, сына хозяина дома, чтобы выжать из Кирни компенсацию. Когда Кирни шел ко входу на блокпост, чтобы встретить мальчика, прогремел выстрел, потом другой. Пули шлепались в грязь прямо перед нами. Кирни втащил меня в хижину, где афганец пек хлеб. Последовало еще несколько выстрелов. Это был «Фредди-одностволка», как называли его солдаты, мятежный стрелок – у каждого была своя теория относительно его оружия, личности и тактики. Но ни скауты Кирни, ни беспилотник Шэдоу не могли напасть на его след. Я нечаянно распорола руку о гвоздь в хижине и, глядя на лужицу крови, думала, что, если бы мне пришлось месяцами жить бок о бок с Фредди и ему подобными, я тоже видела бы в каждом местном предателе и мечтала о возмездии.

Кирни был зол. «Талибы обстреляли твой дом?» – спросил он мальчика из Алиабада. Переводчик перевел.

Нет, сказал мальчик. Американцы.

– Чем мы стреляли?

– Я не знаю, какое оружие, но там маленькие дырочки и две большие дырки.

– Я не стрелял по Алиабаду, – сказал Кирни и добавил, что если кто-то из солдат и стрелял, то потому, что из деревни вели огонь боевики.

«Из деревни никто не стреляет», – сказал мальчик, хотя всем было известно, что повстанцы ранили нескольких солдат Кирни, стреляя из мечети, из школы, с кладбища...

Мальчик решил сменить тактику. «Боглучшезнает, чема», – сказал он, и Кирни поймал мяч: «Да, Бог точно знает. Он беседовал со мной и сказал мне, что стреляют». И, кстати, плохие парни всегда начинают стрелять первыми, заметил?

– Хорошо. Тогда стреляйте в них, а не в наш дом, – сказал мальчик.

– Тогда скажи мне, где они, – сказал Кирни. Мальчик сказал, что не знает. Что он знал – так это то, что американцы всегда стреляют по деревне.

Беседа продолжалась еще некоторое время. Когда мальчик снова начал возражать, что из его деревни никто не стреляет, Кирни прервал его. «Аминулла стреляет», – сказал он. Аминулла был родом из Алиабада и становился важной фигурой среди боевиков в долине.

Мальчик улыбнулся.

– Ты улыбаешься, потому что ты знаешь, что я прав, – сказал Кирни.

– Ты прав, – сказал мальчик. – Тогда стреляй по кладбищу, а не по нашему дому.

Кирни придвинулся ближе к нему. «Слушай, если тебе нужна помощь с твоим домом, просто попроси. Но не обвиняй нас каждый раз, когда что-нибудь не так».

Мальчик засмеялся и повторил, что не знает, где прячутся плохие парни.

– Гонишь, парень. Они что, привидения? – сказал Кирни, смеясь.

– Аминулла больше не приезжает в Алиабад, – сказал мальчик, возможно пытаясь бросить Кирни кость.

Кирни накинулся на нее. «Так Аминулла плохой?»

– Да.

– А, наконец-то! Видишь, кое-что проясняется. – Кирни снял шлем, сложил руки и раскачивался, сидя на стене. – А что скажешь про Мохаммада Тали, он хороший парень, да? – спросил Кирни.

Мальчик снова улыбнулся и посмотрел на грязь: «Нет. Ты нам уже объяснил, что он плохой».

– Ага! – воскликнул Кирни, всплескивая руками. – То есть ты был в деревне, когда я раздавал радиоприемники и еду. Но вместо этого ты говоришь, что я все время в вас стреляю? – Кирни болтал ногами. – Ты, дурило, сам подумай. Зачем мне тащить вам приемники и еду – и стрелять в вас? А Аминулла приносит что-нибудь? Нет. Что случилось в тот день, когда я уехал? – Мальчик сказал, что он знает, что жители деревни пошли домой, а потом «они» начали стрелять. – Откуда? – спросил Кирни, – из вашей деревни?»

– Что я могу сказать? Американцы были в моей деревне.

– Да, я для вас, ребята, делал всякие хорошие вещи, а они в меня стали стрелять. Я ведь вот что хочу сказать: они и в тебя могли выстрелить в тебя. А если я буду стрелять в твой дом, я помогу. Мы эту стену починим. Я тут не для того, чтобы обижать тебя.

На маленьком блокпосту все как-то засуетились. Кирни пытался чуть-чуть разрядить обстановку. Он спросил мальчика, что он думает про американцев.

– Вы строите дороги, больницы и школы, и вы тут, чтобы помочь, – сказал мальчик.

– Уклоняешься, – с усмешкой воскликнул Кирни. – Простой ответ. Дурило, ты же можешь сказать, что мы негодяи и порушили всю вашу лесоторговлю. – Мальчик рассмеялся. Кирни тоже рассмеялся. Рассмеялись ефрейтор Майкл Каннингем, радиооператор, и сержант Тэйлор Уайт, занимавшийся комплектованием личного состава.

– Видишь, я же знал, – сказал Кирни. – Вот что вы на самом деле думаете. Думаешь, я хочу тут находиться?

– Да, – сказал мальчик. – Думаю, что да.

– Дурачина. У меня есть жена и сын. Я сюда приехал, чтобы вам помочь. Если вы мне будете тоже помогать изо всех сил, я уберусь отсюда в тыщу раз быстрее.

Кирни поздравил его с Рамаданом и заорал: «А где мой пушистый друг?» – оглядываясь в поисках Иерихона, щенка с обрезанными афганским работником ушами: это делалось для участия в собачьих боях – в уши может вцепиться противник. «Мне нужно, чтоб меня кто-то порадовал. Иерихон, мне нужно немножко любви». Примчался Иерихон и стал скакать вокруг. Кирни подхватил его на руки. «Эй, что такое, малыш? Ну, хороший мальчик. Ты воняешь как грязь».

Кирни повернулся к Каннингему и Уайту и сказал: «Ну что же, он сам сказал, что Аминулла плохой». Собирать по каплям непроверенную информацию, которой то и дело кто-нибудь делился, было в Коренгале обычным делом.

Время битвы

На следующий день после встречи со старейшинами Яка Шины Ярнелл и Джон подслушали, что боевики пытаются определить местоположение Кирни и его людей. Вертолеты перенесли нас на горную гряду высотой около 8400 футов, разделяющую долины Коренгал и Шуриак. Боевики использовали глубокие пещеры, валуны и леса как укрытия и транзитные пути между Пакистаном и Афганистаном. Мы слышали, как кто-то, назвавшийся Обеидом, сказал, что будет поступать согласно решению старейшин Яка Шины – сотрудничать с американцами или мстить. К вечеру старейшины, судя по всему, вынесли свой вердикт. Настало время битвы.

Кирни тоже вынес свой вердикт. Он будет водить боевиков за нос, притворяясь, что эвакуирует войска, когда вертолеты прилетят заправляться, и составит из своих лучших парней маленькие «смертоносные команды». Мы слышали, как боевики говорят: «волки взяли след» – имея в виду наводчиков. Охрипший, шепчущий в рацию повстанец держал на прицеле то ли сержанта Ларри Ругла и его разведчиков, то ли лейтенанта Пайосу и его группу прикрытия. Шутили, что Руглу и Пайосе нужно потанцевать, и станет ясно, за кем следит шептун. Но прошли еще почти сутки, и ничего не случилось.

Ругл, по прозвищу Дикий Кот, с 11 сентября 2001 года был в Афганистане уже шестой раз. Он был в составе самой первой группы спецназа. Даже его трудное детство стало легендой: он рассказывал, как рос в уличной банде Южного Джерси, он застрелил человека, попал в колонию и там сам выучил русский (несмотря на отчужденные отношения с русским отцом), изучил политику, историю, зоологию. Во время ночного наряда в лесу он мог говорить своим товарищам: «А вы знаете, что пингвины моногамны?»

Я была с командой Пайосы. Его белая кожа, рыжие волосы и голубые глаза никак не вязались с месяцами непрерывных боевых действий, через которые прошел его взвод. Был чудный осенний вечер, солдаты шутили, подогревая индивидуальный паек и сплевывая излишки Копенгагена (коктейля

из пива и виски), и вдруг, в одну секунду, передышка кончилась. Боевики были уже здесь. Пули рикошетили по всему лесу. Пока все расползались по укрытиям, повисла странная тишина. Трое из нас пригнулись за тонкой сосенкой. И тут тишина взорвалась: вопли, проклятия.

– Откуда это?

– Где мои ребята?

– Джон, ты видишь что-нибудь?

Еще пули. Удары о стволы деревьев. В рацию Пайосы поступали обрывки сбивающей с толку информации.

– Они подходят к низине на точке 2-4, – звонок сержанта Райса.

– Есть один раненый в руку. – Слышны звуки паники, крики.

– Враг занял гору, – прокричал рядовой Стерлинг Данн из-за деревьев поодаль.

– По точке 2-4 нанесен удар, – это был Райс.

– Дикого Кота оттеснили за гору, – это был Ругл.

– Берите людей, идите туда и отбейте гору. Они загнали Кота на ту сторону! – кричал Пайоса, снова и снова пытаюсь связаться с Райсом и Руглом и не получая ответа. Батальонный хирург капитан Джоэл Дин и сержант побежали вверх по склону, чтобы забрать раненых. Но как только первые американцы приблизились к позициям Райса и Ругла, оттуда был открыт огонь. Что происходит?

Я шла следом за Пайосой сквозь кустарник к гряде. За какими-то деревьями мы наткнулись на Райса и младшего сержанта Карла Ванденберге. Ванденберге лежал в луже крови. Выстрел в руку задел артерию. Райс был ранен в живот. Солдат согревал Ванденберге при помощи химикатов из набора для разогрева пайка, чтобы он не впал в шок.

Пайоса поднялся на гору, где напали на его людей. Я увидела Джон Клинарда, сержанта из Северной Каролины с огромными голубыми глазами, вне себя от горя. Он обожал Ругла. «Сержант Ругл умирает. Это моя вина... Я виноват... Я пытался подняться на гору...» Сержант Ругл лежал позади него. Кто-то уже накрыл его одеялом. Видны были только подошвы его ботинок.

«Ты ничего не мог сделать, – сказал Пайоса, сжимая плечо Клинарда. – Теперь ты главный. Ты сможешь. Спустись вниз, забери Райса и Ванденберге и погрузи их в вертолет». Клинард вытер слезы, казалось, пришел в себя – и скрылся между деревьями.

Появились двое солдат из отряда Райса с расширенными зрачками. Они не могли поверить, что так близко видели духов, с которыми боролись последние пять месяцев. «Я видел его в лицо,» сказал младший сержант Марк Соловский. «Он посмотрел на меня. Я его застрелил». Вместе с младшим сержантом Майклом Джексонном он дважды заползал на гору, пытаясь отбить ее. Каждый раз боевики в «пижамах», холщовых рубашках и штанах, отбрасывали их назад автоматными очередями. Вокруг нас камни были забрызганы кровью. Кто-то видел кровавый след, ведущий к деревне Ландигал, где, как было точно известно, в дом ворвался боевик.

– Мы больше не сдадим эту гору! – закричал Пайоса. – Эта гора наша!» Он хотел, чтобы немедленно сбросили бомбы.

– В доме молятся женщины, – прокричал Данн в ответ.

Я смотрела на черную кепку Ругла, лежавшую возле испачканной кровью груды камней там, где сидел Данн, когда появился сержант Стичтер, командир Данна, запыхавшийся и трясущийся – он эвакуировал раненого Ванденберге. Он хотел пить. Истребитель Ф-15 по прозвищу Чувак был уже в пути, Апачи шли по следу нападавших, Кирни мчался вниз по склону, забрасывая пещеры гранатами, и выкрикивал приказы. Он был совершенно раздавлен. Он обожал Ругла и разрыдался, когда увидел на посадочной площадке своего доброго друга, старину Райса, который истекал кровью. Райс успокоил его, а потом с трудом вскарабкался в вертолет, попросив только дать ему поговорить с женой, прежде чем ему дадут наркоз.

Отступающие боевики унесли с собой кое-какие вещи Ругла, Райса и Ванденберге – амуницию, технику связи, бинокли ночного видения, пулеметы. Кирни хотел вернуть технику. Он хотел наказать долину. Стичтер заметил парня, расхаживающего по крыше в Ландигале, и хотел снести ему голову. Младший сержант Митчелл Рэон, вся одежда которого была пропитана кровью Ругла, держал противника на прицеле, но не мог добить на такое расстояние. «Это женщина», – сказал Данн.

Кирни узнал боевиков, ворвавшихся в дом, и хотел открыть по ним огонь, но Стичтер получил сообщение из Кэмп Блессинга о том, что цель слишком близко к другим домам. Кирни в ответ напомнил – в прошлый раз вы дали им уйти. Знать наверняка было невозможно, но Кирни был уверен, что это были те, кто убил Ругла, и теперь, говорил он, вы и этим дадите уйти?

Кто-то выругался и сказал: «Они все выходят из дома».

Кирни связался с одним из лейтенантов на наблюдательном посту. «Куда они идут?» – Ярнелл услышал, как боевики говорят, что возвращаются за остатками техники. И вдруг Ф-15 без предупреждения сбросил бомбу на Ландигал, но промахнулся мимо цели, или так показалось. Кирни был вне себя от ярости. Он был уверен, что штаб намеренно не попал по тому дому, который хотел разбомбить Кирни.

Я заметила, что Рэон то распаковывает, то снова запаковывает вещи Ругла. Разведчики Ругла были в полной растерянности, не знали, куда себя девать и сами понимали это. Рэон говорил, что у него перед глазами все время возникает лицо Ругла – то живое, то мертвое, по очереди; он хотел, чтобы это прекратилось.

Следующий день принес еще одну короткую перестрелку, разведчики Ругла быстро взяли себя в руки. Им казалось, что он видит их и гордится ими. Продолжились бомбардировки и отказы от них, а потом появилась Беки, обожаемый всеми пилот Апача. Ее любили не только за успокаивающий эффект женского голоса – Беки была еще и одним из самых яростных стрелков. Она облетала стены каньона, высматривала боевиков и забрасывала их ракетами. Мы снова поймали их переговоры: они хвастались, что им удалось выбраться из-под огня. Они говорили об ударе по Ландигалу, в результате которого, как они думали, мог быть убит Азизулла – «по-настоящему плохой парень», как объяснил мне радист.

Кирни наблюдал за вороной, летающей над нашими головами. «Талибы правы, – сказал он. – Как они сказали вчера? Следи за птицами: они там, где американцы. Хотел бы я быть из того же теста, что «хаджи»» – (так солдаты называли боевиков). «У них хватило пороху сделать то, что они сделали. И знаешь что? Врать не буду. Они победили».

Убивая вместе

Пока мы ждали сумерек, чтобы вернуться на блокпост, мы знали только, что боевики близко и не сводят глаз с Кирни и солдат в долине. Даже наступление ночи не принесло облегчения, потому что Коренгал был залит светом полной луны. Я вернулась на КОП вертолетом вместе с Кирни, а 1-й и 2-й взводы должны были всю долгую дорогу идти пешком. Как только 1-й взвод выдвинулся, он попал в жесточайшую Г-образную засаду. Все, что мог сделать Кирни, находясь

на блокпосту – успокаивать своих ребят по рации, послать медицинский вертолет и увещевать бога войны. Апач, Слэшер и Боун всю ночь сбрасывали бомбы. Солдаты и боевики находились так близко друг от друга, что когда Слэшер, АС – 130, прилетел, пилот связывался не со штабом (JTAC), а с сержантом Роберто Сэндифером, взводным передовым наблюдателем, который в этот момент был под обстрелом и видел, как гибнет один из его людей.

Около полуночи 1-й взвод примаршировал на блокпост, с вытаращенными глазами, обливаясь потом, истекая кровью. Они принесли личные вещи Мохаммада Тали, особо важной цели. Его убил младший сержант Сэл Джунта.

На следующей день на КОПе я нашла младшего сержанта Джунту, тихого парня из Айовы, оказавшегося героем против своей воли. Его начальники выдвинули его на медаль за доблесть. Джунта рассказал мне подробности той ночи, когда они едва продвинулись на 300 ярдов и подорвались на mine. Джунта шел четвертым, и он успел отпрыгнуть в траншею. Он никак не мог понять, почему стрельба была открыта с той точки, где должны были находиться идущие впереди Джошуа Бреннан и Фрэнклин Экруд. Он понял, что дело плохо, но когда выскочил из окопа, чтобы убедиться в этом, был отброшен пулей в бронезилет. Его сбило с ног. Стреляли с трех сторон. Он схватил несколько гранат. «Я не умею бросать так далеко как сержант Галлардо. Мы выглядели полными тормозами, и я решил выбежать вперед». Он обнаружил Экруда с пулевыми ранениями. «Он лежал на земле, но двигался и пытался починить свой автомат, и я не стал останавливаться. Было облачно. Я бежал и видел духов. Множество».

Сначала он не мог разобраться, кто это. Потом понял, что они тащат через лес Бреннана. «Я начал стрелять, – вспоминал он. – Я разрядил всю обойму. Тогда они бросили Бреннана». Джунта подполз к Бреннану. Он был изранен в ключья. Нижняя челюсть отстрелена. «Он был еще в сознании. Дышал. Он попросил морфина. Я сказал: «Ты выкарабкаешься и будешь рассказывать о своих подвигах, – а он мне: «Буду, буду»».

Они все еще стреляли. Помощи ниоткуда не было. Хьюго Мендоза, санитар взвода, был позади в другой траншее и кричал: «Я истекаю кровью. Умираю». Джунта увидел, что Бреннан закатывает глаза. Его дыхание прерывалось. Джунта дал Бреннану руку. Тут с неба спустился врач. Бреннана стали готовить к погрузке в медицинский вертолет в корзине. Вскоре его не стало.

Когда медицинские вертолеты улетели, сержант Сэндифер вызвал прикрытие с воздуха: Слэшер, АС -130. Пилот был женщиной, и Сэндифер позднее говорил мне: «Это так придавало нам сил, когда мы слышали ее голос». Она заметила неприятеля, пытавшегося скрыться, и попросила разрешения открыть огонь. «Пали!» – сказал я ей. И мы вместе убили двоих». Но убийства уже не могли принести Сэндиферу утешения.

Как сказал Джунта, «самая богатая и обученная армия разбита духами в пижамах и с Калашниковыми». Его голос срывался. Ему было не просто больно – он был в ярости. И ему не оставалось ничего иного, как вытереть слезы и заорать – на афганцев, которые их предали, на армию, которая их предала. Он бросился на передовую не потому, что он герой. Он побегал, чтобы вытащить Бреннана, своего друга. «Но они – он имел в виду военное начальство – хотят от нас все больше и больше». Его контракт истекал через 18 дней, но его продлили, и он не мог вернуться. Бреннан и сам должен был уволиться в сентябре. Он собирался вернуться в Висконсин, где живет его отец, играть на гитаре и стать полицейским.

Сэндифер задавался вопросом, почему они торчат в Коренгале, где люди так откровенно их ненавидят. Его преследовал голос Мендозы: «Я истекаю кровью. Я умираю». Он боялся, что Коренгал лишит их рассудка и развяжет им руки. В его воображении это уже произошло. Сэндифер рассказывал, что однажды, когда на огневую базу пришел афганец, он «не мог отвести от него взгляда и почти уже выхватил оружие, чтобы застрелить его. Я знаю, что такое хорошо и что такое плохо, но если бы я застрелил его, никто не был бы против. Мы все уже как в «Повелителе мух»». Тем не менее, им оставалось провести в Коренгале 10 месяцев.

Для меня было загадкой, как Кирни собирается вновь завоевывать доверие своих парней, уже не говоря о коренгальцах. Прямо перед моим отъездом Кирни сказал мне, что самое трудное будет – держать своих ребят под контролем. «У меня слишком много свихнувшихся, тех, кто хочет положить на все и мочить всех подряд», – сказал он. По его словам, один из его лейтенантов хотел стрелять каждому афганцу в лицо. Кирни сокрушенно покачал головой. Он был бы рад иметь возможность купить 20 коз и дать своим ребятам избить и сжечь их, чтобы утолить свой гнев. Он пытался объяснить им, что ограничения, которые накла-

дываются на них – обратная сторона успеха, что существует афганское правительство со своими правилами. «Я таскаю на своем чертовом носу пирамиду тарелок, вот что я делаю, – сказал он. – И все это гакнется, если один из них сорвется».

Но покинуть Коренгал, как предлагал полковник, и передать его какой-то другой роте? Ни за что. Он провел пять месяцев изучая долину, привыкая к ней; он не может просто так отступить. По крайней мере, он будет тут отвлекать повстанцев, чтобы другие спокойно могли перемещаться вверх и вниз по реке Пеш. «Я потерял тут семерых ребят, – сказал он. – Слишком много крови. Я не хочу сдаваться. Это мое».

Продолжение следует

Полковник Остлунд и его офицеры, и губернатор Кунара с другими официальными лицами провели встречу длиною в день со старейшинами Коренгала. Старейшины хотели поговорить о Горной Лавине и разрушениях в деревнях. Полковник Остлунд сказал им: «Если что-нибудь случится с капитаном Кирни, беда и боль постучат во многие двери Коренгала». Он дал им десять дней на то, чтобы решить, с кем они – с боевиками или с властью. Только после этого он готов будет думать о продолжении строительства дорог. Пришел ответ: боевики уйдут из долины. Но они не ушли, а десять дней спустя устроили новую засаду на взвод 173-й бригады. Американцы потеряли весь патруль – ранеными или убитыми. Кирни сказал мне недавно, что ранили Абу Ихласа и убили еще несколько плохих парней. Но диалог с коренгальцами особо не продвинулся. Только зимний снег принес в долину небольшое затишье.